

ПЕРФОРМАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ГОЛОСА В АРХАИЧЕСКИХ РЕЧЕВЫХ ПРАКТИКАХ

Ледовских Антонина Юрьевна,
*аспирант Гуманитарного института
Новосибирского национального исследовательского
государственного университета
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1
ORCID: 0000-0001-7388-209X
a.ledovskikh@g.nsu.ru*

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются архаические речевые практики через призму функционального использования голоса в перформативных конструкциях, которые являются неотъемлемой частью культурного ядра и отражают важную семантико-прагматическую связь интенций и действий носителя мифологического сознания. Образность этого сознания строилась на интерпретациях окружающего мира и системах общения с высшими силами (богами), детерминирующими его. Ранние речевые практики общения с высшими силами индоевропейских культур сохранились в молитвах, обрядах, заклинаниях, песнопениях и т. п. Они не только отражают закрепленные формульные элементы языка, лежащие в основе культурных матриц, но и дают целостное представление о картине мифологического мышления. Отмечаются следующие основополагающие культурные явления: могущество слова как первичного голосового образа, порождающий акт присвоения имени (что не названо, то не существует), использование голоса как ритуальной конститутивной силы в молитвах и прошениях, а также как причины создания языкового пласта табуированной лексики. Исследование древних языковых источников индоевропейских культур (Авеста, Упанишады, Эдда, Ветхий и Новый Заветы, старославянские и англосаксонские заговоры) на предмет перформативных конструкций позволило выявить сильную взаимосвязь функциональной силы голоса с ритуальными действиями, порождающими именно перформативные языковые явления. Они обычно выражаются каноническими перформативными глаголами (1 л., ед. ч.) в 1) молитвах – *молюсь, прошу*; 2) имянаречении – *нарекато, называю, даю имя*; 3) заклинательных действиях – *простираю [руки], приказываю*. Показано, что они также выражают концепт голоса как представительного образа божественного существа – перенос физиологической способности привлечь внимание и повести за собой – на всю концепцию истинного знания и изречения его Богом. В ранней перформативной практике действие должно сопровождаться словом/речью,

произносимым вслух для законного закрепления этого действия. Такое взаимозависимое явление лежит в основе культурного ядра.

Ключевые слова: перформативность, голос, голосовая функция, речевой акт, архаическая речевая практика, миф, индоевропейские культуры, мифологическое сознание.

Библиографическое описание для цитирования:

Ледовских А.Ю. Перформативная функция голоса в архаических речевых практиках // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 2. – С. 313–323. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-313-323.

Язык по праву можно считать одним из величайших изобретений человечества, вопросы происхождения которого до сих пор являются открытыми. Разнообразие теорий о происхождении языка можно отследить по работам в определенных областях: в биологии, антропологии, нейропсихологии, теологии и пр., каждая из которых связывает происхождение языка с определенными факторами. Одной из современных теорий является культурно-ориентированная теория Д. Эверетта, отрицающая идеи о «языковом гене» и аргументирующая тесную взаимосвязь культурных принципов и социальных условий, постепенно повлиявших на голосовой аппарат человека и приведших к его экзаптации вследствие новой нужды – общения друг с другом¹.

Благодаря совместной эволюции голосового и слухового аппаратов человечество получило уникальный инструмент для общения и обмена информацией, что можно назвать ключевыми коммуникативными функциями. Примитивные способы передачи значимой социальной информации невербальными средствами вытеснялись всё более совершенствующейся артикуляционной системой языка, выводя речь и голос на первое место.

Поскольку голос стал главным инструментом человеческого общения, то в ходе развития мифологического мышления он стал также одним из способов общения со сверхъестественными силами, которые, как верилось, детерминировали все жизненные процессы человека. Страх перед их могуществом, а также желание влиять на их решения в свою пользу породили отдельные регулятивные системы со своим нормативно-ценностным идеалом поклонения. Система множественных объяснительных мифов, верований и интерпретаций основала мощнейшую структуру ритуального характера, которая была построена на взаимозависимой связи семантического наполнения и прагматического действия. Образное архаическое мышление транслировалось через действенное восприятие мысленных ре-

¹ См. *Эверетт Д.* Как начинался язык: История величайшего изобретения. Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019. – 424 с.

презентаций – танцы, ритуалы, обряды и т. д. С развитием письменности эта ранняя символическая коммуникация была запечатлена в ранних письменных источниках, исследование которых позволяет анализировать первобытное мифологическое мышление и становление речевых практик.

Воплощение деятельности через речь отвечает теории речевых актов, сформулированной Дж. Остином [13]. Описанная им теория предполагает, что в языке любой культуры слова не только описывают и называют явления, но также и сами способны совершить действия. В рамках этой теории Остин выявил перформативы (*performative, performatory*) – высказывания, не имеющие каких-либо оценочных суждений и способные к созданию разнообразных культурных практик. Например, на брачной церемонии в западной культуре брачующиеся должны произнести «I do» в согласии принятия супруга. Перформативные высказывания обладают высокой степенью ритуальности из-за своей «обязанности» отвечать определенным параметрам, первым из которых Остин назвал *конвенциональность (conventional effect)* всей процедуры высказывания [13, р. 14]. Она должна проводиться при определенных обстоятельствах и определенными людьми. Такая условность объясняет конститутивную силу, заложенную в использовании голоса как фактора успешного завершения действия: при невыполнении какого-либо обязательного условия договор не будет заключен.

С литературной точки зрения можно рассмотреть перформативы в архаических практиках в рамках теории речевых жанров М.М. Бахтина [2], в которой первичные речевые жанры обладают простой структурой и отражают примитивные коммуникативные элементы диалога. Сужая функциональную разнородность речевых жанров до изучения устного общения древнего человека (в частности, с богами и божествами), можно отследить значимость использования перформатива в такой коммуникации, поскольку его функциональность напрямую зависит от момента и факта произношения, что не может быть задействовано без голоса. При этом ритуализированные действия обязаны сопровождаться голосом, особенно в таком действии, как молитва (например, обращение при мольбе на восток в древнеперсидской религии или перебирание и счет 108 бусин на буддистских четках, которые отсчитывали священные формулы). Голос становится доминантным способом передачи информации, тех культурных единиц, которые, повторяясь в устной традиции, постепенно аккумулируются в закрепленные формулы (*formulas*) [16], сохраняясь тем самым в языковом пласте. Такие лингвокультурные единицы, или лингвокультурные трансферы [7], повсеместно обнаруживаются в древних культурах.

Таким образом, при исследовании архаических речевых практик, отраженных в ранних письменных источниках (молитвы, заклинания, обряды, ритуалы, архитектурные и письменные памятники) индоевропейских язы-

ков, анализ перформативных высказываний позволит отследить степень семантико-прагматической связи интенции говорящего и его прямых действий. Важность этой связи аргументируется уникальностью мифологического воззрения на мир и его способов различных интерпретаций, поскольку именно они образовали основу матрицы (сети), порождающей лингвокультурные паттерны, обнаруживающиеся во всех мировых культурах. Исследование голоса как функционального средства претворения ирреальной модальности в реальную возможно через изучение именно перформативных актов, поскольку они и являются носителями этой функции.

Роли голоса в архаических практиках отводится доминирующее место, без озвучивания определенных слов и молитв не будет получено просимое от высших сил. Заложенную веру в силу голоса, а именно слова, можно отследить с самых ранних религиозных источников индоевропейских культур. Первая из 17 гат авестийской Ясны (книги, восхваляющей единого творца Ахура-Мазду) называется *Моление о Слове*, где Ахура-Мазда сам воплощает единую идею могущества слова, сказанного Богом, что само по себе есть истинное знание.

Моление о слове (28)

1. С упоением **молюсь**²,

Простираю к Мазде руки я,

Чтобы Добрый Дух сперва
принял всё, что приготовил я.

С Артой радуются пусть
Воху-Мана и Душа Быка!

6. Воху-Мана! Вразуми,
пусть прибавит Арта силы мне!

Мазда, Заратустре дай

Слово чудодейственное то,

Что поможет наконец

одолеет всех злых недругов!

11. В них я сохранил навек
облик Арты с Воху-Маною,

Мазда, я воспел тебя,

передай ты мне из уст в уста

Слово мудрое о том,

как впервые появилась жизнь!

(перевод И.С. Брагинского, 1972) [1]

При этом в гате четко прослеживаются роли высшей троицы: Воху-Мана – Мысль, Арта – Дело, а Ахура-Мазда – Слово. Только Мазда, единый Бог, провозглашенный Заратустрой, способен дать истинное слово, а также объяснить происхождение мира. Закрепленная традиция могущественности слова, отраженная в ранних перформативах иудеохристианских культур, также подразумевает наказание за нарушение слова, или заповедей, данных Богом (Ветхий Завет). Ср.: *órektu guðs bodorð ok fyrir því drekti guð heiminum í sjávargangi ok ollum kvikvendum heimsins nema þeim er í orkinni váry með Nóa* – «[люди] пренебрегли словом Божьим, и поэтому Бог затопил мир в море и всё

² Полужирным шрифтом выделены перформативные глаголы действия, сопровождающие молитву.

живое в мире, кроме тех, которые были в ковчеге с Ноем» (Младшая Эдда, Пролог, 3–7). Как отмечает Ю.С. Степанов, в христианских культурах Слово связано с Логосом, а сам концепт «Слово» связан также с «Знанием» и «Чудом» [8, с. 347].

Именно слову присваивается особая конститутивная сила, если оно исходит от авторитетного источника, кем чаще всего является бог/божество. В санскритской пьесе Калидасы «Абхиджняна-Шакунтала» царь Душьянта признает Шакунталу и Бхарату как свою жену и сына только после подтверждения этого божественным голосом (*a divine voice*) [14, р. 91]. Конститутивная сила голоса ярко отслеживается в функции первобытного «номинализма», некоего ритуального и обязательного действия наименования вещей, явлений и людей, благодаря которому они начинали существовать и стали реальными.

На основе допущения выделить в слове инд.-евр. **en-men-* «имя, название» приставку инд.-евр. **en-* «в-, внутри» В.В. Сырочкин связывает лексему «имя» с глаголом инд.-евр. **men-* «думать, помнить». Семантически это подкрепляется следующими примерами: литовск. *praminimas* – «прозвание, название», *pramiñti* – «прозвать, назвать», которые родственны литовск. *miñti, menù* – «помнить», латыш. *minēt* – «упоминать» и восходят к инд.-евр. **men-* «думать, помнить». Приводя в пример латыш. *minēt vārdā* (латыш. – «упоминать имя»), Сырочкин предполагает, что инд.-евр. **en-men-* имело значение «упоминаемого вслух» по аналогии с др.-инд. *atīpāthati* – «называет», *pāthati* – «читает вслух», *pathanam* – «упоминание, чтение вслух» [9, с. 47, 48]. Это позволяет нам рассуждать, что имя носило не просто номинальный характер, а могло быть связано с представлением древних о необходимости дарения, присвоения имени.

В мифологии наблюдается обязательное первичное присвоение имени всему, что есть на земле, богом/богами или самим человеком.

- *6 сошлись на судбище, по лавам сели, совет держали все вышние боги: ночь нарекали, полночь и вечер, именовали утро и полдень и все межечасья для числения времени.*

- *9 сошлись на судбище, по лавам сели, совет держали все вышние боги: кому-то должно карликов сделать из крови Бримифа, из кости Блаина;*

- *10 был Мотсгнир сделан и назван первым в народе цвергов, вторым был Дурин, по слову Дурина и прочих цвергов человекоподобных вылепили из глины... далее перечислены имена гномов («Прорицание Вэльвы», Старшая Эдда).*

- *Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей* (Ветхий Завет: Быт. 2: 19).

Присвоенное имя по своему значению может приравниваться к самому семантическому наполнению обозначаемого явления, быть его неотъемлемой частью и даже замещать его. Имя «Брахман», что в индуистской ми-

фологии есть высшее божество, творец мира, открывающий триаду верховных богов, само может быть равноценно истинному чистому знанию, эквиваленту высшего духовного и телесного состояния. Ср. 6. «Имя его – “предмет устремлений”, [его] следует почитать как предмет устремлений. Кто знает это, к тому стремятся все существа» (Упанишады, Кена Упанишада, глава 4, строка 6). Концепция единого бога здесь заменяется концепцией единого имени, выражающего бесконечность, понимание которого ложится в основу философии древнеиндийской культуры. К этому стремятся (должны стремиться) все люди, и в конце все могут получить бессмертие, став Брахманом; при этом личное имя остается с мирской оболочкой и умирает вместе с человеком, когда его душа обретает бессмертие. Ср.: 8 «Как реки текут и исчезают в море, теряя имя и образ, так знающий, освободившись от имени и образа, восходит к божественному Пуруше, выше высокого» (Упанишады, Мундака Упанишада, часть 3, глава 2). Также и древние египтяне придавали имени самое важное значение, считая, что не существует то, что не названо [3, с. 23].

Таким образом, присвоение имени становится ритуальным актом, который не только закрепляет права объекта на существование, но и присваивает ему определенные качества, становится его личностью, предопределяет его судьбу. Имя становится представительной единицей своего носителя, его сакральным знаком, который может воздействовать на его судьбу и быть подверженным влиянию высших сил. Акт произнесения своего имени мог иметь определенные последствия: древние славяне верили в способность злых духов вредить человеку, если они знали его настоящее имя, и потому всегда представлялись другим (охранным именем). Такой ритуал встречается в индоевропейских культурах повсеместно. В.Н. Топоров описывает ритуал, связанный с рождением (ср. др.-инд. *Jātakarman*, *jātakṛtya*), который состоял из нескольких подритуалов, последним из которых чаще всего оказывался *Nāmakaranaṇa* (*nāmadheyakarāṇa*), или «имянаречение», «имяположение». Новорожденного рассматривали с попыткой угадать, узнать, открыть – родить его подлинное имя, поскольку оно составляет «внутреннюю»³ суть человека, и имя это хранится в тайне (*gubhyam nāman* – «тайное имя»); помимо него человеку также давалось второе или даже третье имя [11, с. 137]. И аналогично произнесение истинного имени божества могло дать человеку власть над ним.

Помимо прочего, перформативная сила в произнесении имен сохранилась в табуированной лексике и эвфемизмах по разным причинам. *Яхве* (тетраграмматон YHWH, на русский переводится также как «Сущий, Сый») – наиболее широко распространенное имя Бога в иудаизме и христианстве, которое заменялось множеством других имен из уважения к

³ «Внутренность имени» связана с инд.-евр. *en – понятие эндоцентричности в древнеиндийской ономастической традиции [11].

Богу и отказу произносить истинное имя вслух. По теории четырех источников, что представляет собой Пятикнижие, источники Е (Элохист) и Р (жреческий) не упоминают имени Яхве, пока Бог не открыл его Моисею (Исх. 3:13; 6:2–3), а источник J (так называемый Яхвист) использует это имя, начиная с Быт. 2:44, приравнивая его по древности к истории Авраама [12]. Из страха имя могло носить перформативный характер, если вера в злой дух предполагала его появление/влияние от акта произнесения. В пример можно привести боязнь помянуть черта у древних славян (или сатаны в остальных христианских и.-е. культурах), а также множественные эвфемизмы, заменяющие реальные наименования: у славян инд.-евр. основа *rtk² («медведь») была вытеснена праслав.**medvědь* («поедающий мед»).

Вера в силу слова, произносимого вслух голосом, находит также отражение в огромном пласте устного творчества всех мифологических культур: заклинаниях, молитвах, заговорах и пр. Использование канонических перформативов – глаголов в форме настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога – повсеместно.

«By the touch of his garment he impeded streams of hot blood. By the flowing tears of the suppliant the flood of blood will dry up. Through that which was dried up by the work of the Lord, I order you, stop. Through our Lord» (Charm 1 (Royal MS 2 A XX, f. 16b)⁴ [15]).

«Благослови раба Божия (имярек). Благословясь, лягу я, раб Божий (имярек), по-молясь встану, перекрестясь умоюсь водою, росою, утруся платком тканым» – формульный перформатив, предворяющий старорусские заговоры (см. [5]). Такая формула, начинающая каждый заговор, является трансфером (способом перемещения) в пространство мифорелигиозного топоса [4], в котором и происходят последующие действия: «... ветры буйные, вихри! Дуйте и винтите по всему свету белому и по всему люду крещеному; распалите и присушите медным приюем рабу (имярек) ко мне, рабу Божию...» (любовный заговор).

Перформативные конструкции такого заговора не описывают действия, а полностью их заменяют. Использование их в заклинательных конструкциях основывается на мифологическом представлении о способности произнесенного слова повлиять на реальную действительность, которая в итоге интегрируется с ирреальным восприятием на некой договорной основе. Если попросить определенным образом, соблюдая при этом определенные ритуальные действия (например, произносить любовный заговор на пряник, который потом надо вручить любимой), то получишь желаемое. Интересным примером могут служить обрядовые действия в индуистском тантризме [10, с. 359], посредством которых человек мог приоб-

⁴ Источник – ранний англо-саксонский сборник молитв конца VIII – начала XII века из коллекции Royal Manuscripts, хранящейся в Британской библиотеке.

рести себе «нимфу-подругу», если придет ночью на кладбище и будет читать молитвы, также повторяя ее имя. Примечательно, что вера в реальное существование ночных духов существовала до достаточно позднего периода (Августин и последующие христианские богословы приводили множество достоверных свидетельств).

Символьная репрезентация божественного явления и его действий чаще выражается не визуальным представлением (видения и сны), а метонимически, через голос, который может обращаться напрямую к человеку, особенно в христианской религиозной традиции:

- *И услышали **голос** Господа Бога, ходящего в рай во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая* (Быт. 3:8);

- *И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали... И услышал я громкий **голос** с неба, говорящий:...* (Откр. 21:1);

- *Он упал на землю и услышал **голос**, говорящий ему: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня?»*

*Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша **голос**, а никого не видя* (Деян. 9: 4, 7);

- *«At the fifth creation the **divine waters** speak with a human voice»* (Jaiminīya Brāhmaṇa, 1. 45, 46).

Среди неиндоевропейских культур параллель можно найти в мифе о Солнце и Луне индейского племени оттава, согласно которому Солнце поражает больных, кидая в них камни с целью попросить что-то для себя: *«Среди вас в нижнем мире есть люди, которых называют великими врачами; они исцеляют больных только потому, что уши их открыты, и они слышат мой **голос**, когда я поражаю человека. Они уговаривают народ послать мне то, чего я требую, и когда вещь послана, я снимаю мою руку с тех, которых поразила болезнью»* [10, с. 473]. Голос в такой символической репрезентации божественного образа являет собой всю концепцию истинного знания и мудрости, вещание которого метафорически было переложено на физиологически привычный и простой способ привлечь внимание и повлечь за собой.

Мы видим, что использование голоса как главного инструмента в создании перформативных конструкций в архаических речевых практиках не только находит яркое отражение в лексических пластах языка, но и влияет на целостное восприятие мира мифологическим сознанием. В центре такого сознания можно видеть действие, деятельный акт, который ложится в ядро культуры, как нераздельно связанный с речью и голосом. *«Изначальный речевой акт лежит в основе мира. Этот речевой акт успешен, так как он приводит к созданию мира»* [6, с. 214]. Поскольку перформативные высказывания не могут быть ложными или истинными, но могут сами произвести действие и дать результат, то повторяющиеся

формульные элементы таких действий образуют картину создания мира и ее документацию, начиная с первичных верований вместе с их коллективными носителями.

Литература

1. Авеста в русских переводах (1861–1996) / сост., общ. ред., примеч. И.В. Рака. – СПб.: РХГИ, 1997. – 480 с.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986. – С. 121–290.
3. Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. – СПб.: Нева: Летний Сад, 2000. – 464 с.
4. Куликовская Е.Н. Перформативные глаголы в русских заговорах как объект теории речевых актов // Мир русского слова. – 2019. – № 2. – С. 12–18.
5. Майков А.Н. Великорусские заклинания. – СПб.: Тип. Майкова, 1869. – 164 с.
6. Проскурин С.Г. Древние перформативы и право // Языковые параметры современной цивилизации: сборник трудов I Научной конференции памяти Ю.С. Степанова. – М., 2013. – С. 214–221.
7. Проскурин С.Г. Лингвокультурный трансфер: представления о мире в древних традициях // Критика и семиотика. – 2017. – № 1. – С. 220–232.
8. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
9. Сырочкин В.В. Этимологические заметки // Этимология, 1991–1993. – М.: Наука, 1994. – С. 45–52.
10. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
11. Топоров В.Н. Из индоевропейской этимологии. VI (1–2) // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. – 2006. – Т. 2, кн. 1. – С. 187–194.
12. Электронная еврейская энциклопедия. – URL – <https://eleven.co.il/> (дата обращения: 08.09.2021).
13. Austin J.L. How to do things with words. – New York: Oxford University Press, 1962. 167 p.
14. Damrosch D., Pike D. The Longman Anthology of World Literature. Vol. 6. – New York: Pearson/Longman, 2009. – 333 p.
15. Fisher R.M.C. The Anglo-Saxon Charms: Texts in Context // RMN Newsletter. – 2012. – N 4: Approaching Methodology. – P. 108–126.
16. Watkins C. How to kill a dragon: aspects of Indo-European poetics. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 613 p.

Статья поступила в редакцию 05.11.2020.

Статья прошла рецензирование 14.02.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-313-323

PERFORMATIVE FUNCTION OF VOICE IN EARLY SPEECH ACTS

Ledovskikh Antonina,

Postgraduate of the Institute for Humanities,

Novosibirsk National Research State University,

1 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7388-209X

a.ledovskikh@g.nsu.ru

Abstract

This study is aimed at the early practice of speech (or speech acts) as a functional tool in performative constructions, which can be considered as an integral part of the cultural heart and the reflection of an important semantic and pragmatic connection between the intentions and actions in mythical thinking. This way of thinking created images on the interpretation of the world as a system determined by supreme forces (gods). Communication of people with higher forces as an early speech practice of Indo-European cultures is traced in ancient prayers, rituals, incantations, spells, etc. They not only reflect the fixed language formulae which are a base of a cultural matrix but also offer a whole picture of the mythical thinking functioning. The following fundamental cultural phenomena are noted: the power of the word, as a primary vocal image; the act of assigning a name as giving birth to a creature (what is not named, does not exist), voice as a ritual constitutive force in prayers, and in the tabooing. The study of performative constructions in ancient Indo-European language data (Avesta, Upanishads, Edda, Old /New Testaments, Old Church Slavonic, and Anglo-Saxon spells) has revealed a strong relation of the functional power of voice to the ritual actions, which reflect in the traditional performative constructions - first person singular verbs: 1) prayers – *I pray, I ask*; 2) naming - *I name, I give a name*; 3) actions taken during incantation – *I stretch out [my hands], I order*; 4) and also the representation of voice as a divine being, which reflects in the concept of true godly knowledge and corresponds with the physical ability to attract attention and ask to follow with voice. In early performative practice, to legitimize the action it must be followed with words said out loud properly. And this interdependent phenomenon forms the heart of culture.

Keywords: performativity, voice, voice function, speech act, early speech act, myth, Indo-European cultures, mythical thinking.

Bibliographic description for citation:

Ledovskikh A. Performative Function of Voice in Early Speech Acts. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 2, pp. 313–323. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-313-323.

References

1. Rak I.V., ed. *Avesta v russkikh perevodakh (1861–1996)* [Avesta in Russian translations]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 1997. 480 p.

2. Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike* [Forms of time and of the chronotope in the novel. Notes toward a historical poetics]. Bakhtin M.M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [The literary-critical articles]. Moscow, 1986, pp. 121–290.
3. Korostovtsev M.A. *Religiya Drevnego Egipta* [Religion of Ancient Egypt]. St. Petersburg, Neva Publ., 2000. 464 p.
4. Kulikovskaya E.N. Performativnye glagoly v russkikh zagovorakh kak ob'ekt teorii rechevykh aktov [Performative verbs in Russian charms as an object of the speech acts theory]. *Mir russkogo slova = The World of Russian Word*, 2019, no. 2, pp. 12–18.
5. Maikov L.N. *Velikorusskie zaklinaniya* [Great Russian spells]. St. Petersburg, Maikov Publ., 1869. 164 p.
6. Proskurin S.G. [Ancient performatives and law]. *Yazykovye parametry sovremennoi tsivilizatsii: sbornik trudov I Nauchnoi konferentsii pamyati Yu.S. Stepanova* [Language parameters of modern civilization: collection of papers on the materials of the first scientific conference in memory of Yu.S. Stepanov]. Moscow, 2013, pp. 214–221. (In Russian).
7. Proskurin S.G. Lingvokul'turnyi transfer: predstavleniya o mire v drevnikh traditsiyakh [Linguocultural transfer: perception of the world in the ancient traditions]. *Kritika i semiotika = Critique and semiotics*, 2017, no. 1, pp. 220–232.
8. Stepanov Yu.S. *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury: opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture, research experience]. *Sbkola* "Yazyki russkoi kul'tury" Publ., 1997. 824 p.
9. Syrochkin V.V. Etimologicheskie zametki [Etymological notes]. *Etimologiya, 1991–1993* [Etymology, 1991–1993]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 45–52.
10. Tylor E.B. *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive culture]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 573 p. (In Russian).
11. Toporov V.N. Iz indoevropskoi etimologii. VI (1–2) [From Indo-European etymology. VI (1–2)]. Toporov V.N. *Issledovaniya po etimologii i semantike* [Studies on etymology and semantics]. Moscow, 2006, vol. 2, bk. 1, pp. 187–194.
12. *Elektronnaya evreiskaya entsiklopediya* [Online Jewish Encyclopedia]. Available at: <https://eleven.co.il/> (accessed 08.09.2021).
13. Austin J.L. *How to do things with words*. New York, Oxford university press, 1962. 167 p.
14. Damrosch D., Pike D. *The Longman Anthology of World Literature*. Vol. 6. New York, Pearson/Longman, 2009. 333 p.
15. Fisher R.M.C. The Anglo-Saxon Charms: Texts in Context. *RMN Newsletter*, 2012, no. 4. *Approaching Methodology*, pp. 108–126.
16. Watkins C. *How to kill a dragon: aspects of Indo-European poetics*. Oxford, Oxford University Press, 1995. 613 p.

The article was received on 05.11.2020.

The article was reviewed on 14.02.2021.